

УДК 101.1:316

ЯЗЫК КАК «КРУГ» СОЦИАЛЬНОСТИ

М.Ю. Лазарева

Аннотация

Статья посвящена описанию механизма, позволяющего языку трансформировать любые явления и процессы в форму социального события. Выдвигается гипотеза о том, что без описания при помощи языковых средств ни одно событие не может стать социальным. В то же время нетождественность события языка и социального события образует пространство для реализации проективных аспектов как языка, так и социальной действительности.

Роль языка в жизни человека и человеческого общества, культуры очевидна. О ней пишут многие представители гуманитарных наук. Но... вскользь, как об аксиоме. «Язык есть преобразовательная сила», «Язык связан с обществом», – говорим мы, но остается непонятным, как, через какие механизмы происходит трансформация языковых событий в социальные и наоборот. А именно этот вопрос, как нам кажется, является одним из ключевых в философском (социально-философском) анализе языка.

Многообразие наук, изучающих язык, говорит о многосторонности этого феномена. Однако оно свидетельствует и о том, что невозможно построить концепцию, которая была бы всеохватной. В изучении языка существует множество подходов. Каждая точка зрения целостна и вполне самостоятельна. Поэтому можно говорить априори, что язык будет таким, каким мы его помыслим: то есть концепция в каком-то смысле будет идти впереди феномена, организовывать его. В данной работе язык рассматривается как универсальная модель мира. Именно модель – не прямое отражение, а некая работающая схема, которая позволяет ориентироваться в смоделированном объекте и судить о нем более или менее адекватно. Язык – наиболее эффективная и универсальная модель мира. Языковая модель мира наиболее адекватна и всеохватна, ее универсальность в том, что язык может охватить как «мир в целом», так и отдельные его части. Более того, в любой иной существующей модели мира присутствует языковая компонента.

Чем язык как модель мира отличается от других моделей? Тем, что другие модели (например, научная картина мира, представленная некими физическими, математическими, химическими теориями) операциональны, создаются для определенных познавательных целей. В этих моделях нельзя *жить*. А языковая модель мира – живая, подвижная, очеловеченная, и она предназначена именно для *жизни* в ней и при помощи ее.

В языке отражаются самые разнообразные процессы – от геологических до социальных, от закономерных до случайных. При помощи языка могут быть описаны как процессы, происходящие вне сферы человеческого влияния (например, движение галактик), так и процессы, непосредственно затрагивающие конкретного человека (например, личностные переживания). Но что важно, ни один из процессов, происходящих в мире, – будь то рождение сверхновой звезды или падение капли дождя – не получит возможности стать *социальным событием*, пока не будет отражен в языке, то есть пока о нем не заговорит человек. Природные процессы превращаются в социальный факт через язык. Сами по себе, без преобразования, они для человека и общества не существуют.

Трудно подобрать слово для обозначения понимания языка, представленного в этом тексте. Язык не есть просто «инструмент» познания и преобразования мира. Но и нельзя сказать, что язык является субъектом преобразования, так же как нельзя объявить, что язык субъектных черт лишен – ведь он оказывает определенное влияние на протекание социальных процессов. В языке сочетаются инструментальность (некая заданность и механистичность) и преобразовательная сила (подразумевающая свободное творчество и кардинальные изменения). Скорее, язык есть «пространство», на котором, как на сцене, разыгрываются социальные события. Язык дает им почву и оформляет их, определяет для них «рамку».

Можно сказать, что язык не только обрабатывает, но и перерабатывает. Приведем аналогию: язык похож на аппарат, который одновременно является видеокамерой и кинопроектором. «Снимая» с мира некоторые данные, он перезаписывает их, перекодирует в виде слов. Но то, что получается в итоге, не совпадает с исходными данными. Если бы воспроизведение было буквальным (язык напрямую отражал бы мир), не было бы ни фигур речи (таких, как сравнение, метафора, литота и т. д.), ни недомолвок и недосказанностей, ни даже художественного вымысла. Воспроизведение мира в языке не является буквальным и непосредственным. «Мир» и язык функционируют каждый по своим собственным законам. Однако между ними существует связь, в сердце которой находятся человек и общество.

Язык часто называют «посредником» между «миром», «реальностью» и человеческим мышлением. В этом случае язык рассматривается всего лишь как отражение. Но существует традиция, идущая от В. Гумбольдта, в которой язык понимается намного шире и, как нам кажется, глубже. В. Гумбольдт неоднократно подчеркивал, что «язык есть средство преобразования мира в собственность духа» (цит. по [1, с. 304]). Ученый отмечал, что язык обладает великой преобразующей силой, в конечном счете определяющей восприятие мира, его принятие, приятие, включение в особое, очеловеченное, социальное пространство. Язык не сводится до уровня «инструмента», его помещают в сферу духа. Язык в этом случае рассматривается как преобразующая сила. Язык, таким образом, не столько *вос-создает* реальность, сколько *создает* свою реальность¹.

¹ Хочется отметить, что в данной статье мы совсем не затронули проблему, которая очень пристально изучается в постмодернистской философии – проблему множественности миров, которая базируется на утверждении о том, что язык не отражает реальность, а буквально *создает* ее. Думается, здесь открывается пространство для дальнейшей плодотворной работы.

Без языковой оболочки событие мира остается нейтральным фактом, но только при воздействии языка мир приобретает смыслы и оттенки, а событие становится социальным, порождает социальную ситуацию и имеет социальные последствия. Попавший «в язык» мир, описанный им, обработанный, не становится, конечно, для человека сразу «своим». Это скорее можно назвать «свое-другое». Нам кажется, что событие мира, описанное языковыми средствами, становится ближе (к) человеку – хотя это скорее тенденция, чем непреложный закон. С событиями, описанными языковыми средствами, человеку еще предстоит работать, осваивать их дальше и менять в соответствии с ними, ориентируясь на них, свою жизнь.

Способность «приближать» мир к человеку, делать его более своим, обжитым и понятным, преобразовывать все виды феноменов в социальные события можно назвать «проективностью языка». Но необходимо тут же добавить, что одной этой способностью проективность языка не исчерпывается, она ей не тождественна. Авторы «Проективного философского словаря» под «проективностью» подразумевают еще и другие способности языка (см. [2]). Мы в данном случае рассматриваем лишь один ее аспектов – преобразование реальности в социальное событие и изменение состояния социальности.

Гумбольдт писал: «Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, он отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» (цит. по [1, с. 299–300]).

Язык, таким образом, образует вокруг человека некоторую сферу, внутри которой он может свободно ориентироваться, оперировать понятиями, но этой же сферой человеческое мышление отгораживается от мира – человек просто не может вырваться за пределы языка (он может только перейти в другой язык). Познание мира происходит на основе уже сложившейся, привычной, работающей, основанной на языке модели. В.А. Звегинцев соглашается с тем, что язык образует некий «круг», задает «горизонт» мышлению, за пределы которого человек не может заглянуть, но пишет, что «кругов» много и что они постоянно меняют свои границы. Однако так ли однозначны могут быть выводы из рассуждений Гумбольдта?

Итак, В. Гумбольдт опирался на материал немецкого языка. Поэтому круг, создаваемый единственным национальным языком, действительно мог показаться «непроходимым» для человека, знающего только один язык. И это проблема не столько лингвистическая, сколько социальная. В традиционном обществе с жесткой социальной иерархией человек целостен и однонаправлен. Родившись на своем месте, он говорит на одном и том же языке, всю жизнь остается включенным в один и тот же дискурс социального существования. Он никогда не выходит за границы, очерченные тем самым «кругом», о котором писал В. Гумбольдт. И его язык отражает его внутренний мир, культуру его народа, то, что Гумбольдт подразумевает под «духом».

Гумбольдт определил «круг» на этнической основе, но отметил, что «круг» проницаем! Мы знаем, что национальных языков много. Но ведь определение

«кругов» можно проводить не только с этнической точки зрения. Если поменять основание классификации, то получится, что существует множество других «кругов»: языки различных социальных групп, субкультурных образований, языки людей различных возрастов. Внутри этих «кругов» постоянно происходят изменения, они не статичны и также проницаемы. Проективные, организационные, творческие функции «кругов» многообразны и не заданы раз и навсегда. Замкнутость «круга» – не абсолютная.

«Кругов» много, и они взаимосвязанны. Почему же они не распадаются? Потому, что существует интуиция «языка вообще», существующего в рамках абстрактного «круга социальности». В «языке вообще» все «круги» интегрируются.

В отличие от «традиционного человека», человек, живущий в современном обществе, – расколотый на части субъект, перепрыгивающий из одного социального статуса в другой и постоянно омываемый самыми различными дискурсами. Это человек, постоянно пересекающий границы (подразумевается ли под «границей» граница государства или граница между социальными статусами – неважно). Он должен знать тысячи «языков», должен уметь пользоваться сотнями разных стилей и понимать самую разную лексику. «Круги» сходятся, пересекаются, перемешиваются сами собой, человеку даже не нужно прилагать усилий, чтобы переходить из круга в круг. Но ему необходимо научиться переключаться с одной волны на другую, с одного дискурса на другой, учиться понимать языки внутри многих «кругов». Так что современный человек, сам того не зная, становится *полиглотом*. Чтобы создать свой собственный мир, современный человек должен «правильно подбирать слова» – выбирать их, выдергивать из многообразия мира, образуемого языками. Однако многообразие языков не делает их окончательно преодолимыми: выход в «мир» затруднен (или вовсе невозможен?); мышление современного человека все так же определяется языком, на котором он говорит.

В работе «Статус лингвистики как науки» один из создателей гипотезы лингвистической относительности Э. Сепир писал: «Язык – это путеводитель в «социальной действительности». Хотя язык обычно не считается предметом особого интереса для обществоведения, он существенно влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [3, с. 130–131].

Язык есть «деятельностный посредник» – между миром и человеком, между человеком и его мышлением. Именно в соотношении мира, человеческого мышления, языка и человеческой деятельности рождается то, что мы называем человеческой и общественной жизнью. В.А. Звегинцев писал: «...язык, включаясь составным элементом в единую цепь отношений человеческого сознания и объективной действительности, является производным и от сознания (и его

деятельности, т. е. мышления), и от объективной действительности. Он отражает и состояние сознания, и направления его деятельности, и условия, в которых осуществляется эта деятельность (совокупность всех форм объективной действительности)» [1, с. 300]. Язык реализует один из факторов проективности – отражая, синтезируя, сводя воедино человеческое мышление и условия человеческой деятельности, он создает, очерчивает «круг» социальности, определяет его границы.

Язык процессуален и деятельностен. Он не принадлежит ни отдельному народу, ни отдельному человеку. Но без языка невозможна человеческая деятельность, причем не только деятельность по познанию мира, но и любая другая. Э. Кассирер писал: «Язык – не механизм и не организм, не живая и не мертвая вещь. Это вообще не вещь, если под этим термином понимать физический объект. Это – язык, очень специфическая человеческая деятельность, которую нельзя описать в терминах физики, химии или биологии. Наилучшее и самое лаконичное выражение этого факта было дано В. Гумбольдтом, когда он заявил, что язык не *ergon*, а *energeia*» (цит. по [1, с. 302]).

Язык преобразовывает мир, преобразуя человеческое мышление. Однако идея о существовании преобразующей способности языка разделяется далеко не всеми мыслителями. Звегинцев, рассматривая концепции Вайсгерберга, Сепира и Уорфа, отмечает, что язык не может иметь никакую «преобразовательную силу»: «...язык не управляет развитием человеческого сознания, не указывает человеческому мышлению определенного пути его движения. Он ниоткуда не мог получить этого руководящего и направляющего качества. Но язык является посредником в том смысле, что без его участия невозможна сама познавательная деятельность, не может осуществиться процесс мышления. Ведь язык есть орудие мысли; однако быть орудием мысли не значит быть ее руководителем» [1, с. 323]. Позволим не согласиться с этим утверждением.

Конечно, быть посредником – не значит быть руководителем, но воплощение некоторого содержания в языке, безусловно, делает его в определенном смысле субъектом. Вспомним классические примеры: государство создано человеком-субъектом, но потом становится субъектом по отношению к человеку. Культура создана человеком, но человек становится объектом культуры. Также можно привести в качестве примера тот факт, что человек становится человеком, субъектом по большому счету только тогда, когда начинает разговаривать, то есть попадает под действие языка.

Б. Уорф писал: «...лингвистическая система (другими словами, грамматика) каждого языка не просто передаточный инструмент для озвученных идей, но скорее сама творец идей, программа и руководство для интеллектуальной деятельности человеческих индивидов, для анализа их впечатлений, для синтеза их духовного инвентаря... Мы исследуем природу по тем направлениям, которые указываются нам нашим родным языком. Категории и формы, изолируемые нами из мира явлений, мы не берем как нечто очевидное у этих явлений; совершенно обратно – мир предстает перед нами в калейдоскопическом потоке впечатлений, которые организуются нашим сознанием, и это совершается главным образом посредством лингвистической системы, запечатленной в нашем сознании» (цит. по [1, с. 312]).

В работе «Отношение норм поведения и мышления к языку» Б. Уорф приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что лингвистические факторы влияют на поведение людей. Эти примеры кажутся достаточно убедительными, потому что они наглядны и симптоматичны. Самый известный из них – это рассказ о том, как рабочие спокойно, ничего не подозревая, курили около цистерн, на которых было написано, что они «использованные», в то время как даже в использованных, «пустых» цистернах сохраняются взрывоопасные пары. В данном случае многозначное слово, написанное на цистерне, порождало вполне реальную пожароопасную ситуацию, которая могла иметь большие социальные последствия (см. [4, с. 159]). Чисто лингвистический процесс стал причиной социального явления.

Почему же настолько наглядный пример не выглядит абсолютно убедительным? Потому что влияние лингвистических факторов хоть и неоспоримо, но не очевидно: прояснить ситуацию с непустыми «пустыми» цистернами могут лишь... филологи совместно с химиками. Филологи знают о многозначности слова empty («использованный» и «пустой»), а химики знают, что даже в использованных цистернах остаются взрывоопасные пары. Допустим, описанная Уорфом ситуация получила свое логическое завершение – рабочие курили около цистерн, произошел пожар. Началось расследование трагедии. Что объявит в качестве причины комиссия, которая будет вести расследование? Конечно же, «преступную халатность» и «несоблюдение правил пожарной безопасности». Однако благодаря Уорфу мы понимаем, что причина пожара не в том, что рабочие проигнорировали объявление, а в том, что их ввело в заблуждение другое значение английского слова «пустой». Очевидно, что члены комиссии не станут вникать в лингвистические тонкости и не выяснят истинную причину, которая состоит... в наличии такого явления, как полисемия. Лингвистические аспекты этого дела останутся в стороне, и о том, какую злую шутку сыграл с людьми язык, никто и не узнает.

Язык (причем не только его грамматические конструкции – язык в целом, в разных своих проявлениях), безусловно, обладает способностью влиять, воздействовать на человеческую деятельность. И при этом даже неважно, как мы рассматриваем язык – как порождение и концентрацию человеческого духа или как орудие человеческого мышления, или как то, при помощи чего делают надписи на цистернах... Проблема эта, безусловно, очень интересная, требующая пристального внимания. Просто нужно уметь замечать те примеры, которые показывает нам сама человеческая жизнь, и уметь относиться к ним с интересом исследователя.

Summary

M. Yu. Lazareva. Language as a space of sociality.

The article is devoted to one of the language functions, which allows to transform any facts and processes take place in human life into the social event. The author supposes that any event can obtain the social status only in (by) description, by transforming into the linguistic form, in a spoken-word. However, the non-identity of the linguistic and social events is a space for realization of projective aspects both of language and social realities.

Литература

1. *Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 384 с.
2. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / Под ред. Г.Г. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.
3. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 127–138.
4. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 157–201.

Поступила в редакцию
29.08.07

Лазарева Маргарита Юрьевна – аспирант кафедры социальной философии и культурологии философского факультета Казанского государственного университета.